

Емельянов Игорь Викторович, Лукьяненко Антон Александрович

## **СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ**

В статье рассмотрена проблема социальной ответственности в сфере государственных отношений. Показано, что государство несет социальную ответственность не только в части обеспечения социальных гарантий населения, но и во всех сферах построения правовой системы. Ослабление социальных и традиционных основ правовой системы за счет чрезмерного усиления ее общих принципов свободы, справедливости и всеобщего блага приводит к ослаблению социальных связей и подмене социальных отношений юридическими формами отношений.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/15.html](http://www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/15.html)

Источник

### **Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 65-70. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/](http://www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/)

### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

УДК 340.12

**Философские науки**

*В статье рассмотрена проблема социальной ответственности в сфере государственных отношений. Показано, что государство несет социальную ответственность не только в части обеспечения социальных гарантий населения, но и во всех сферах построения правовой системы. Ослабление социальных и традиционных основ правовой системы за счет чрезмерного усиления ее общих принципов свободы, справедливости и всеобщего блага приводит к ослаблению социальных связей и подмене социальных отношений юридическими формами отношений.*

*Ключевые слова и фразы:* благо; категорический императив; ответственность; право; свобода; справедливость.

**Емельянов Игорь Викторович****Лукьяненко Антон Александрович**

*Тюменский государственный архитектурно-строительный университет  
enterinfo@ist.ru; anton\_lukyanenko@bk.ru*

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ<sup>©</sup>**

Начиная с эпохи Ренессанса и до наших дней европейское общество пережило колоссальную трансформацию своего мировоззрения. Разработанные в эпоху Ренессанса философами и деятелями культуры идеи гуманизма, прогресса, математического устройства мира, со временем проникая в общество, кардинально изменили основополагающие принципы его функционирования. Модель современного правового государства есть также результат напряжения интеллектуальных сил представителей европейской и позднее российской философии. Однако, несмотря на все достоинства, нельзя отрицать, что в современных условиях особенно ярко проявляют себя недостатки этой модели, устранение которых невозможно без полноценного анализа и полного понимания их существа.

Поскольку современное российское государство ориентировано на эту модель, то исследование фундаментальных ее проблем приобретает особую актуальность. И одной из таких проблем является соотношение идеалов свободы, справедливости, равенства и социального благосостояния общества, поскольку в реальных условиях функционирования социума зачастую они начинают противоречить друг другу. Благосостояние народа не всегда бок о бок идет с равенством и справедливостью, но точно так же государству иногда приходится жертвовать социальной стабильностью и экономическим развитием ради соблюдения прав и свобод граждан. Решение этой проблемы, на наш взгляд, кроется в понимании сущности социальной ответственности государства в рамках современной правовой системы. На сегодняшний день социальная ответственность государства ограничивается обеспечением социальных прав граждан, но суть этой формы ответственности остается до конца не ясна.

Хотя социальная ответственность государства проявляется также и в его социальной политике, тем не менее, мы затронем только проблемы социальной ответственности в области права. Нашей задачей будет показать, что государство несет социальную ответственность не только в части обеспечения социальных гарантий, но и во всех сферах законодательной деятельности.

В новейшем философском словаре дается такое сущностное определение ответственности: «Она может быть двоякой: а) накладываемой групповыми, корпоративными, служебными или какими-то иными локальными обязанностями, сближается в таком понимании с подотчетностью; б) самостоятельно принимаемой личностью в качестве личного и универсализуемого долга; но и в этом случае сохраняется то ее измерение, которое фиксируется в модальности — «ответственность перед»» [7, с. 172]. Иными словами, ответственность – это всегда ответственность «перед».

Таким образом, социальная ответственность предполагает ответственность перед обществом. Однако основной вопрос заключается в том, как государство должно нести ответственность, должно ли оно стремиться к всеобщему благу или к общественной пользе. На первый взгляд, понятия блага и пользы практически тождественны, но по существу от того, на что направлена государственная политика, может зависеть даже политический режим этого государства. В различении этих понятий кроется сущность социальной ответственности, но для ее четкого определения необходимо обратиться также к истокам зарождения современной модели правового государства.

Одной из первых попыток создать модель государственного устройства, основанного на принципах права, предпринял в XVII веке Т. Гоббс. Он уподобил государство мифологическому чудовищу Левиафану, которого создали сами люди путем общественного договора для ограничения своей злой и эгоистичной природы. По сути, государство он представил в качестве стража, который не дает человеку творить зло и учинять насилие. Для этих же целей, по его мнению, существует и закон. Итак, Левиафан у Т. Гоббса суть искусственный «человек-власть», созданный из множества естественных, но обезличенных индивидов. Сплоченные чувством страха перед самими собой и заключившие между собой общественный договор, составляющие некое целое, эти индивиды никак не складываются в органическое единство. Ответственность за исполнение

договора, скрепленная страхом перед демоническими силами хаоса, заставляет поддерживать структуру Левиафана в целостности. Но назвать эту модель исключительно правовой еще нельзя именно в силу ее мифологической природы. Такое государство основано не на правосознании граждан, а исключительно на мифологическом страхе, воплощенном в образе борьбы хаоса и Левиафана.

Однако, как показывает эволюция власти, вскоре проблемой становится консолидация разнородных составляющих тела государства, а само символическое тело власти очень скоро утрачивает свою мистическую силу, превращаясь в банальную систему структурных, пространственных, театрализованных отношений.

Окончательная десакрализация отношений между государством и гражданином была произведена И. Кантом. В своей работе «К вечному миру» он утверждает, что для достижения вечного мира государственное устройство должно быть организовано по образу республики. В его представлении республиканский способ организации государства – это устройство, установленное «...во-первых, согласно с принципами свободы членов общества (как людей), во-вторых, в соответствии с основоположениями о зависимости всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, по закону равенства всех (как граждан государства)...» [4, с. 267]. Очевидно, что в основе этих характеристик лежат не только распространенные идеалы эпохи просвещения, но учение И. Канта о категорическом императиве, которое не лишено своих изъянов.

Формула категорического императива гласит: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [3, с. 147]. Если рассматривать государство в качестве хранителя всеобщего законодательства, как это делает И. Кант, то можно и показать тот род взаимной ответственности гражданина и государства, которую предполагает данная формула отношений. Категорический императив предполагает ответственность не человека или государства перед обществом, а ответственность перед чем-то всеобщим – всеобщим благом. Всеобщее благо здесь есть нечто внешнее трансцендентное по отношению к обществу и государству. Основные принципы, которые транслирует такая идея всеобщего блага, – это принципы свободы и равенства.

Категорический императив разрывает замкнутый круг классического золотого правила морали, согласно которому нельзя делать другому того, что бы сам не пожелал себе. То есть, по золотому правилу морали, нельзя лишать свободы даже тех, кто совершил преступление, поскольку лишения свободы никто себе не пожелает. Но, согласно категорическому императиву, изоляция опасных элементов с целью сохранения общества вполне соответствует принципам всеобщего законодательства. Иными словами, новая модель морали И. Канта неизбежно предполагает ответственность не перед обществом, а за достижение благой цели. При этом государство не выступает в качестве носителя воли всего народа, оно становится чем-то отчужденным, трансцендентным и безличным. Такое отношение предполагает исключительно юридическую ответственность между гражданином и государством. Важной особенностью такого рода ответственности является то, что она базируется на противостоянии государства и гражданина. Основой такого противостояния является антиномия свободы и долженствования. Такое противостояние часто выливается в торг, предметом которого является свобода, но не внутреннее возвышенное понимание свободы, как описано в практической философии Канта, а конкретная дозволенность что-либо сделать.

Если «Левиафан» еще предполагал некий мифологический образ общественного единства, то республика И. Канта уже есть абсолютная безличность, исключающая всякую социальную ответственность, заменяющая ее ответственностью перед всеобщим императивом. И. Кант определял такой императив как условие внутренней свободы человека через добровольное согласие подчиняться закону, через чувство долга, но стоит отметить, что такая свобода достижима только при осознании необходимости этого самим человеком. Здесь, скорее всего, на учение Канта оказали влияние идеалы эпохи просвещения, связывающие между собой уровень интеллектуального развития и морально-нравственные качества личности. Однако в реальном государстве подобный императив большинством представителей общества, как правило, рассматривается отчужденно как внешняя принуждающая сила и, следовательно, свобода – как то, что противостоит императиву. Так происходит подмена кантовского понятия свободы понятием вседозволенности, долг же становится воплощенным не во внутреннем чувстве, а во внешнем принуждении системы права.

Попытка построить в современных условиях социальное государство по принципам, заложенным классическими рационалистами и идеологами республики, приводит к значительным противоречиям. В рамках классической модели государство как нечто трансцендентное и всеобщее противостоит индивидуальным желаниям, государство перестает олицетворять все общество, оно безлично. Попытка представить государство в качестве выразителя воли народа и в качестве прообраза всего общества приводит только к смешению двух форм взаимной ответственности государства и общества – юридической и социальной ответственности. Хотя у И. Канта чувство долга (права, морали) является условием свободы, но их антиномическое отношение И. Кант не отменяет. Именно преодоление кантовских антиномий, в том числе и в системе государственных отношений, становится одной из важнейших тем во многих последующих учениях. Особенно в ряду классиков, рассматривающих эту проблему, можно выделить Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса.

Г. В. Ф. Гегелем был предложен диалектический способ разрешения противоречий. В. С. Нерсисянц указывает на то, что у Гегеля «идея права развертывается в систему права, которая и есть... царство реализованной свободы. Отношения права и свободы опосредуются в гегелевской философии через свободную волю, которая представляет свободу и ее реализацию во всех перипетиях диалектических приключений идеи права» [6, с. 36]. У каждой ступени развития свободной воли может быть свое право, реализующее на практике эту свободу. В этом смысле государство становится высшим носителем права, его реализующим,

и ответственность перед государством в таком ключе может быть рассмотрена именно как юридическая, а само государство ответственно только перед всеобщим благом. Эта форма ответственности наступает в результате нарушения установленной государством системы правовых норм, вне зависимости от интересов общества. Такие нормы, представляющие лишь стадию развития, не могут быть совершенны, они есть лишь стадия «объективного духа», такое благо не может быть абсолютным, но оно также и есть позитивное движение к этому абсолюту. Поскольку «объективный дух» (государство) есть момент движения к абсолютному благу, то именно этим обосновывается необходимость подчиняться ему вне зависимости от мнения или интересов всего общества, этому подчинению может диалектически противостоять только индивид.

В подобной системе правовых отношений у Гегеля формируется представление о сущностных мотивах гражданского общества. «Гражданское общество есть сфера реализации особенных, частных целей и интересов отдельной личности: здесь каждый для себя есть Цель, все другие значимы лишь как средства для достижения этой цели» [Там же, с. 37]. О социальной ответственности в таком обществе говорить не приходится. Гражданское общество по Гегелю – это общество, раздираемое противоречиями. Нерсесянц отмечает, что «в государстве, наконец, наступает тождество особенного и всеобщего, нравственность достигает своей объективности и действительности как органическая целостность. По отношению к семье и гражданскому обществу как сфере особенного, частного интереса государство как сфера всеобщего интереса выступает, по Гегелю, с одной стороны, как имманентная цель, а с другой – как внешняя необходимость: через тождество этих моментов и «енимается», и сохраняется частный интерес во всеобщем» [Там же, с. 72]. Государство для Гегеля, таким образом, представляет диалектический синтез частного гражданского и общего интереса в идее всеобщего блага, и поэтому только во всеобщем благе есть цель общества и его польза. В этой модели происходит слияние, синтез всеобщего блага и общественной пользы.

Если попытаться перенести этот диалектический принцип на материалистическую почву, как это было сделано К. Марксом, то можно увидеть более глобальную проблему такой модели правового государства. Именно К. Маркс показал, что попытка синтезировать в образе государства частные и общие интересы, всеобщую мораль и общественную пользу приводит в силу классовой неоднородности общества к отчуждению человека и классовой борьбе. Государство из носителя трансцендентного права превращается в носителя интересов определенного класса общества. И разрешение данного противоречия становится возможным в рамках диалектической модели общественного устройства только революционным путем. Это путь постоянной борьбы между общественными (классовыми) интересами и всеобщим благом.

Многие представители политической философии Германии конца XX века, основываясь на идеях классической немецкой философии, видят решение указанной проблемы в построении максимально совершенного правового и, главным образом, демократического государства. М. Криле выделяет следующую иерархию строительства правовой системы демократического государства: «...разделение властей – это основа правового общества, оно, в свою очередь, – основа гражданских и политических прав, эти права – основа для демократии, а демократия уже образует основы для реализации и экономических, и социальных, и культурных прав человека» [8, с. 31]. Схема достаточно понятна, логически выстроена, и сомневаться в ее правильности не приходится. Однако когда М. Криле с позиций данной модели анализирует процесс государственного строительства различных стран, то приходит к выводу о невозможности достижения социальных прав без установления политических и гражданских свобод. Он констатирует, что часто в различных странах «...намеренье выступить за развитие экономических, социальных и культурных прав человека и за социальную справедливость служат для обоснования легитимности не только социалистического принудительного хозяйства, но и неуважения к гражданским и политическим правам человека и нормам демократии» [Там же, с. 30].

Но легитимность власти не обязательно предполагает гарантию с ее стороны гражданских и политических свобод. Население территории вполне может быть согласно на ограничение своих свобод властными структурами ради социальных и экономических гарантий. Можно возразить, что свободное согласие может быть реализовано только при условии гарантии политических и гражданских прав. Подобная иерархия и взаимозависимость благосостояния и свободы, во главе которых находится правовая система, основана на идее всеобщего императива, заимствованной из немецкой классической философии. Уже И. Кант четко разграничивает гипотетический и категорический императивы, где к области категорического императива можно отнести политические и гражданские права, а к области гипотетического – социальные, предназначение которых заключается в принесении пользы. Гипотетический императив – это правило, возникающее далеко не из свободного акта воли, а из жизненной потребности субъекта. Но нормы, исходящие из свободного акта воли и из потребностей, в значительной степени противоречат друг другу и могут вступать в реальной жизни в конфликт.

Таким образом, сопоставляя гражданские и социальные права, можно говорить о различии в их основаниях. Предлагаемая М. Криле иерархия призвана решить противоречие между интересами общества и идеями свободы, равенства, справедливости. Решение это он видит в иерархическом подчинении социальных прав правам гражданским или, точнее, указывает на то, что социальные права могут быть обеспечены только в результате реализации прав гражданских. Гражданские права и свободы базируются на идее всеобщего права, зафиксированной И. Кантом в форме категорического императива. Но интересы конкретной общности не всегда совпадают с принципами права. Далеко не всегда общество стремится к свободе и равенству, о чем говорит и сам М. Криле, зачастую свобода и равенство выступают в качестве барьеров на пути к благосостоянию и общественным интересам. Поэтому наиболее подходящим правовым основанием социальных интересов является гипотетический императив. А поскольку гипотетический императив, согласно

практической философии И. Канта, должен быть подчинен категорическому, и блага материальные достигаются только через построение всемирно-гражданского общества, то и Криле таким же образом предполагает, что социальные права вторичны и естественным образом вытекают из гражданских. Но гипотетический императив у И. Канта имеет исключительно индивидуалистскую природу, и на его основании поддержание общественных интересов со стороны индивида возможно, только если это выгодно ему самому. Примером тому может служить социальная ответственность бизнеса.

В последние годы появилось значительное количество работ, посвященных проблемам социальной ответственности бизнеса. Большинство авторов высоко оценивают роль бизнеса и констатируют необходимость повышения его социальной ответственности. Тем не менее, бизнес, даже добровольно принимая на себя ответственность за обеспечение нужд общества, делает это исключительно в собственных интересах. Так, Е. Ю. Богатенкова отмечает, что «социальная вовлеченность бизнеса лежит в основе его собственных интересов – в формировании и поддержании положительного публичного имиджа. Это возможно при достижении бизнесом социальных целей... Улучшение условий жизни населения способствует решению целого ряда экономических задач бизнеса – росту платежеспособного спроса, расширению рынка сбыта, повышению производительности труда» [1, с. 8]. Из этого следует, что бизнес руководствуется в своей деятельности гипотетическим императивом. В данном случае социальная ответственность не предполагает обращения к высшему благу и не вытекает из него, а служит лишь способом поддержания общего благосостояния в индивидуальном интересе. Общественная польза достигается безотносительно к общественному благу.

Однако возникает вопрос о применимости подобного подхода к социальной ответственности в сфере государственных отношений. Если исходить из иерархии, предложенной Криле и другими сторонниками демократического либерального государства, то применим. Если учитывать тот факт, что в государстве обеспечение прав и свобод личности не всегда приводит к благосостоянию и достижению интересов общества, и благосостояние не обязательно предполагает свободу, то социальные гарантии, предлагаемые государством, превращаются в инструмент поддержания стабильности в обществе. Стабильность, в свою очередь, необходима для сохранения существующей правовой системы, в основании которой лежит идея всеобщего блага. Но в силу трансцендентности этой идеи под ней может пониматься все, что угодно, при условии, что оно соответствует принципам свободы и равенства.

Если предположить, что социальные права предназначены для сохранения гражданских прав, то социальная ответственность государства приобретает такую же «гипотетическую» форму. В этом случае социальная ответственность теряет свою общественную органическую природу и становится механической, приобретает функциональное назначение. Государство, основанное на такой форме обеспечения социальных прав, остается правовым, но социальным его уже назвать не представляется возможным. При таком подходе социальные права теряют свою сущность, перестают быть социальными и становятся лишь инструментом поддержания существующего политического режима.

Соответственно, идея всеобщего блага не отражает сущность социальной ответственности и социальных прав как таковых, не отражает эту сущность и гипотетический императив, поскольку его основа базируется на идее индивидуальной, а не общественной пользы. Тем не менее, остаются неясными те формы, которые может принимать социальная ответственность помимо императивных. Если социальная ответственность – это ответственность перед обществом, его интересами, а система права основана на идее всеобщего блага, то необходимо определить отличия всеобщего блага от общественного интереса. И тогда прояснится способ отношений между общественным интересом, общественной пользой и всеобщим благом.

Как правило, понятие общественного интереса связывают с защитой прав человека, и проблематично отграничить это понятие от идеи всеобщего блага, лежащей в основе этой правовой системы. Тем не менее, одно важное отличие можно выделить даже в пределах действия правовой системы. Э. Рекош в своей работе «В защиту общественных интересов» отметил, что это понятие начало употребляться в отношении деятельности по защите «маленького» человека, у которого нет собственных средств борьбы против притеснения со стороны тех, кто преследует глобальные или корпоративные цели [2, с. 17]. По сути, социальный интерес представляет собой некий баланс между частным и всеобщим интересом, когда интерес всеобщий не приводит к крайнему притеснению индивидуального интереса, а обнаруживает некий паритет. В данном случае этот паритет может носить и юридический характер. Подобный паритет, однако, выходит далеко за рамки юридических отношений, он повсеместен в сфере государственных отношений. Социальный интерес – это не воля общественных объединений или народа, это интерес, на основе которого происходит разрешение противоречий между индивидом и обществом, своеобразный компромисс, основанный на идее общественной пользы. Одним из результатов такого паритета между обществом и государством становятся социальные права, и это их отличает от прав гражданских, в основе которых лежит исключительно идея всеобщего блага. Это диалектический синтез между индивидуальным интересом и всеобщим благом, который осуществляется не революционным путем и корректировкой политической системы, а базируется на идее общественной пользы, пользы для всех. Но зачем необходим такой паритет, если всеобщее благо и так предполагает построение мира благоденствия для всех?

Стремление к всеобщему благу порождает идею абсолютного господства права над обществом. В чистом виде она была впервые представлена И. Кантом во всей своей абсолютности и одновременно противоречивости. С. И. Максимов подчеркивает, что «...практическая философия Канта отвергает в качестве критерия, как истины, так и моральности поведения согласие разума с внешним миром и утверждает этот критерий в согласии разума

со своими собственными законами» [5, с. 352]. Идея абсолютного блага представлена как недостижимая цель, движущая человечество к построению всемирно-гражданского общества. Но абсолютное равенство и свобода, входящие в эту идею, по определению самого Канта, недостижимы, их невозможно даже помыслить человеческим ограниченным разумом. Разрешая эту проблему даже в диалектическом ключе, можно констатировать, что мир прогрессирует лишь благодаря этим противоречиям, и даже если цель развития достижима, то в момент развития мир далек от нее, и в реальности свобода, равенство и справедливость недостижимы.

Если в основу современной правовой системы положить идею абсолютного блага, то такая система вполне в этом несовершенном мире сможет пренебрегать интересами индивида или общественных групп, мотивируя это благой целью. У И. Канта не дается четкое решение этой проблемы в силу антиномичности постановки вопроса. Индивид свободен только через долженствование. Но что если долг перед законом ведет к самоуничтожению? Конечно, совершенный закон не сможет к этому привести, но если нет всемирно-гражданского общества, то нет и совершенных законов. Свобода определяется в постоянном моральном выборе между долгом и интересом. Попытка же установить главенство права (долга) над всеми иными интересами в несовершенном обществе приводит к нарушению этого антиномического баланса и лишению свободы. В силу этого несовершенства вводится принцип ограничения свободы одного человека свободой другого. Но где эта граница?

Г. Кринтс, пытаясь соединить идею права и его границ, в данном ключе приходит к выводу о том, что «...гнет нормативов амбивалентен, эта амбивалентность снимается решением соблюдать нормативы... Истинная основа надежности состоит в том, что индивидуум сам, по своей воле, свободно решает следовать определенным правилам и нормативам, и сам гарантирует их соблюдение» [8, с. 42]. Нельзя отрицать, что именно этот принцип лежит сегодня в основе правовой системы большинства развитых демократических стран. Но возникает вопрос о том, на основании чего человек осуществляет свободный выбор в пользу тех или иных принципов. Почему он решает следовать тем или иным принципам и нормам? Если представить человека как абсолютное, совершенное и автономное существо, то решения его действительно основаны на факте абсолютной свободы и чувстве истинного благого долженствования. Но человек по своей природе – существо социальное, именно общество и культура формируют человека, определяя его ценностные ориентиры, которые он принимает и изменяет. Вне каких-либо общих ценностных ориентиров и интересов само право теряет смысл. Всеобщность права вне всемирно-гражданского общества, в условиях разрозненности народов обеспечивается традицией, ценностями и культурой, которые адаптируют принципы свободы, справедливости и равенства под условия социальной среды. Если каждый только на основании свободы будет решать, какие нормы и правила принять, то каждый сможет принять собственный свод принципов, создать свою индивидуальную культуру и социальность. Но культура и социум по определению не могут быть индивидуальными. Таким образом, абстрактные принципы права, основанные лишь на запрете и ограничении, начинают подменять собой социальные отношения, связь между людьми начинает базироваться не на личных, культурных, религиозных связях, а на простом запрете – «не навреди». Но понятие вреда очень сложное и многоликое, вред может быть вполне причинен и в рамках законодательства.

Когда единство правовой системы начинает базироваться исключительно на принципах ограничения, то политика государства во взаимоотношении с обществом начинает сводиться только к запретам и разрешениям. Идея всеобщего блага, ставя во главу угла абстрактные принципы, имеющие трансцендентное основание, не учитывают жизненно важных интересов и традиционных ценностей общества, обеспечивающих его существование. Субъект в рамках такой запретительно-разрешительной системы может по своему желанию отвергнуть любые формы отношений, не защищаемые законодательством, что приводит к ослаблению социализации личности и социальных связей. Особенно ярко тенденция к ослаблению социальных связей проявляется именно в странах с развитой правовой системой. Примерами тому могут служить брачные договоры, частично подменяющие доверие к человеку доверием к закону и праву; постепенное разрушение института семьи и религии. Невозможно отрицать, что доминирование правовой системы над всеми иными формами отношений в государстве приводит к разрушению основ общественного устройства и в целом самой этой правовой системы. Обеспечение прав и свобод необходимо, но недостаточно для развития и нормального функционирования общества. Общественный интерес является таким же важным элементом становления социума, и государство должно нести ответственность перед обществом за его реализацию. Законодательная деятельность должна базироваться не только на абстрактных принципах права и всеобщего блага, но и на идее общественной пользы. В этом заключается смысл социальной ответственности государства.

Таким образом, общественный интерес – это не то, чего хочет общество, а то, что для него будет полезно. Полезность же чего-то для общества есть результат паритета между индивидуальным (групповым) интересом и всеобщим благом. Общественный интерес – это благо, но благо не абсолютное, а «приземленное», то, которое призвано адаптировать идеи свободы и равенства для их осуществления в этом «земном» несовершенном мире, своеобразный момент диалектического движения к этому абсолютному благу. Социальные права становятся результатом этого процесса поиска оптимальных путей согласования всеобщего блага и общественной пользы, но социальными правами далеко не исчерпывается социальная ответственность государства перед обществом. Европейские государства, обеспечивая мощную социальную поддержку и правовую защиту своих граждан, пренебрегают интересами общества в своей законодательной деятельности. Балансируя между интересами меньшинства, отдельных общественных групп или большинства, государство теряет идею общественной пользы, отражающую необходимость принятия решений, которые будут полезны для всего общества данного государства, которые будут служить укреплению и развитию общественных отношений,

способствовать единению и взаимопониманию между людьми. Современное демократическое государство, наравне с защитой прав и свобод граждан, должно способствовать и помогать становлению сильного общества, построенного на принципах взаимопонимания, гуманизма и простых «человеческих» отношений. Для достижения этой цели законодательство и деятельность органов власти должны опираться не только на принципы чистого права, но и, в первую очередь, на традиции, устои и ценности общества. В этом, на наш взгляд, и заключается существо социальной ответственности современного правового государства.

*Список литературы*

1. **Богатенкова Е. Ю.** Повышение качества жизни населения: роль социальной ответственности: дисс. ... к.э.н. Саратов, 2013. 160 с.
2. **В защиту общественных интересов:** руководство для юристов и правозащитников / под ред. Э. Рекоша, К. Бучко, В. Терзиевой, Д. Шабельникова; пер. с англ. Д. Б. Шабельникова; науч. ред. пер. Н. М. Кипнис. М.: Юристъ, 2004. 506 с.
3. **Кант И.** Критика практического разума. 2-е изд-е. СПб.: Наука, 2007. 528 с.
4. **Кант И.** Собрание сочинений: в 6-ти т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1963. Т. 6. 743 с.
5. **Максимов С. И.** Философия права И. Канта как проект правового общества // Иммануил Кант: наследие и проект / под ред. В. С. Степина, Н. В. Мотрошиловой. М.: Канон+, 2007. С. 351-359.
6. **Нерсесянц В. С.** Философия права Гегеля. М.: Юристъ, 1998. 352 с.
7. **Новая философская энциклопедия:** в 4-х т. / под общ. ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
8. **Политическая философия в Германии:** сб. статей / пер. с нем. Д. Мироновой, С. Погорельской. М.: Современные тетради, 2005. 520 с.

**SOCIAL RESPONSIBILITY IN CONTEMPORARY CONSTITUTIONAL STATE**

**Emel'yanov Igor' Viktorovich**

**Luk'yanenko Anton Aleksandrovich**

*Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering  
enterinfo@ist.ru; anton\_lukyanenko@bk.ru*

The article considers the problem of social responsibility in the sphere of public relations. It is shown that the state has social responsibility not only in terms of ensuring social guarantees to population, but also in all the spheres of legal system construction. The weakening of the social and traditional foundations of legal system due to the excessive strengthening of its general principles of freedom, justice and common good leads to the weakening of social connections and to the substitution of social relations by the legal form of relations.

*Key words and phrases:* good; categorical imperative; responsibility; right; freedom; justice.

УДК 5527

**Искусствоведение**

*В статье рассматривается Рапсодия для скрипки с оркестром М. Скорика, написанная на темы из оперы «Кыз-Жибек» Е. Брусиловского. Произведение посвящено первому исполнителю, народной артистке Республики Казахстан, профессору Айман Мусахаджаевой. В результате анализа сочинения автором показано органичное взаимодействие элементов и форм традиционного казахского искусства, использование песенно-инструментальных сочинений народных композиторов-профессионалов (Ы. Сандыбаева, А. Габбасова). Рапсодия для скрипки М. Скорика представляет собой весомый вклад в развитие концертного жанра в Казахстане.*

*Ключевые слова и фразы:* М. Скорик; рапсодия для скрипки; композитор; оперная транскрипция; казахские народные песни; средства художественной выразительности.

**Жумабекова Дана Жунусбековна**, к. искусствоведения, доцент

*Казахский национальный университет искусств  
danazhumabekova@mail.ru*

**РАПСОДИЯ ДЛЯ СКРИПКИ И КАМЕРНОГО ОРКЕСТРА М. СКОРИКА  
(К 80-ЛЕТИЮ ОПЕРЫ «КЫЗ-ЖИБЕК» Е. БРУСИЛОВСКОГО)®**

В апреле 2012 года состоялась мировая премьера Рапсодии «Кыз-Жибек» украинского композитора Мирослава Скорика, написанной по одноименной опере Евгения Брусиловского (1934). Произведение посвящено Айман Мусахаджаевой, народной артистке Республики Казахстан, профессору, которая вдохновила своим высоким исполнительским мастерством.